

Дурочка – слово, которое чаще всего используют, чтобы подчеркнуть наивность, доверчивость и бесхитрость женщины. В эпоху ярко выраженной эмансипации представительницы «слабого пола» отчаянно хотят быть равными мужчинам, тщательно маскируют свои подлинные чувства и желания. Художественный мир Софии Максимычевой – глубоко личное, камерное, даже интимное пространство. Это мир женщины – хрупкий, уязвимый и одухотворённый любовью. Название книги, такое бесхитростное на первый взгляд, говорит о многом и характеризует автора как человека глубоко искреннего.

Лирическая героиня Софии способна подкупить читателя тем, что она не боится быть слабой – напротив, ей в своём творчестве важно подчеркнуть исконную особенность женской природы, мягкой и восприимчивой, чувствительной и открытой для мира мужчины. В простой мифологеме женского счастья, ограниченного уютом домашнего очага, есть высшая мудрость и высшая правда. Множество «личин», сопровождающих женщину в её повседневной жизни – не более чем маски, за которыми прячется беззащитная маленькая девочка, желающая только одного – любви и понимания.

С первых строк книги читатель чувствует особую доверительную авторскую интонацию, приглашающую если не к диалогу, то к совместному проживанию понятного всем душевного состояния:

*Поперёк души – страница,
вдоль страницы – тишина,
если дурочке не спится,
значит дурочка одна.*

*Слышишь, дудочка заводит:
– Что ты, дурочка, грустишь?
В женской маятной природе
разве что-то разглядишь?..*

Жизнь в любви и вне её, неизбежное столкновение с миром мужчины, чреватое как новым созиданием, так и разрушением – сквозные темы поэзии Софии Максимычевой. Она убеждена, что подлинная сила женщины – в её слабости, способности полностью отдаваться чувству, без которого мир становится немым и опустошённым. Отсюда и единство образного ряда, и повторяющиеся мотивы, выполняющие роль смысловых скреп в поэтической ткани книги. В ней нет разделов, да они и не нужны. Это нескончаемое повествование с одним, а максимум двумя лирическими героями, которых можно условно назвать Он и Она.

Художественное пространство сборника выверено очень тщательно. Лишённое эпической масштабности, оно чаще всего ограничено двумя объектами – домом и садом. Очевидно, что сад – хорошо знакомая не только русской, но и мировой культуре метафора, используемая многими поэтами и писателями золотого и серебряного века. У Максимычевой сад – проекция самой лирической героини, чьё стихийное существование так же, как и любой природный объект, подвержено любым внешним воздействиям. Её душа – яблоня в этом саду. Она может плодоносить или засыхать при отсутствии ухода, мужской заботы и внимания:

*Всё в нашей жизни предсказуемо,
где сад стареет не случайно.
Мне стать тобой неопишуемой,
не год, не два хранившей тайны.*

*Ведь ты советуешь мне – яблоне –
вцепиться намертво корнями.
Но плоть моя тобой разграблена,
подведена к глубокой яме...*

«Квиты: вами я объедена...», – невольно вспоминаются цветаевские строки. Такова и лирическая интонация Софии Максимычевой, чьё творчество продолжает традиции серебряного века.

Образы дома и сада составляют единое художественное пространство книги – одно продлевается в другом, проявляется в другом наподобие сообщающегося сосуда. Иногда они становятся символом уюта и цветения женской души, орошённой любовью, но нередко дом оказывается пустым, а сад – заброшенным и разграбленным. «Женщине, как диковинному цветку, требуется постоянный уход», – как будто говорит нам автор. Но мужчина, обманом проникающий в мир доверчивой женщины, подчас способен растоптать этот цветок, разорить гнездо, разрушить надежды. Наличие или отсутствие в жизни любви прямым образом влияют на мир лирической героини и пространство вокруг неё. Художественными средствами выразительности, разной системой образов автор демонстрирует, насколько различны между собой мир счастливой, влюблённой, женщины и мир женщины одинокой. Так, счастье разделённой любви напрямую связано с темой материнства, плодоношения и созидания:

*И трубочист плывёт, как сам,
среди расставленных столетий.
Он точно знает обо всём:
и о тебе, и наших детях,*

*которым – время не пришло
на этот белый свет явиться,
но ты меня целуешь в лоб,
и в чреве зреет чечевица.*

Плодотворное зерно любви, из которого рождается космос новой жизни – это личная вселенная героини. И только этой новой жизнью может прирастать пространство, созданное для двоих. Но в целом оно не стремится к расширению – напротив, чем ограниченнее оно, тем осязаемее космос внутри, тем крепче объятия и слаще поцелуй:

*...сухая почва, низкий потолок,
тяжёлая листва и покрывало.
от нежности ты ночью изнемог,
где не прикосновений было мало
<...>
где нам уже не двинуться... зачем?
пьям запах чабреца и зверобоя;
и кажется, что я не надоюм
зубам твоим, не знающим покоя...*

Совсем иначе обретает себя женщина в пространстве нелюбви. В поэзии Софии Максимычевой тема одиночества сопровождается ключевыми образами-символами. То, что ещё совсем недавно было частью мироздания, живым и дышащим микрокосмом для двоих, становится безводной пустыней, бесконечной зимой.

*Куда ты смотришь? О чём мечтаешь?
Вокруг разломы и снег лежалый.
Легко одета, как будто в мае,
так, словно зябнуть ты перестала.*

*Вот так неистово ждут любимых
и тех единственных – с кем не страшно,
и потому проседают зимы,
когда вздыхают под снегом пашни.*

На смену ветхозаветному раю для Адама и Евы приходит «пространство личного балкона». Идеи материнства и домашнего очага противопоставлены мотив одиночества, бесприютности и бездетности. Отсюда образы кукушки и лисицы-кицунэ, которая в японской мифологии может быть как добрым, так и хитрым, лукавым, духом, ассоциативно связанным с темой разлуки, осени, предательства:

*По можжевеловой тропе
бежит лисица Кицунэ...
<...>*

*П лисий дом, и дальний свет,
и дым кострищ в закатной гуще,
к земле склоняемая ветвь,
когда-то яблони цветущей...*

Осени, наряду со всеми прочими сезонами, лирическая героиня Максимычевой явно отдаёт предпочтение. И для неё это – не обязательно пора грусти и разочарования. Скорее, это время духовной зрелости, когда на смену необузданным страстям приходит обретенная с годами мудрость, желание сохранить лучшие крупицы воспоминаний и простить случайные обиды. Зрелость природы и человеческой души: благодаря такому психологическому параллелизму возникает образ женщины – жрицы, доброго духа домашнего очага, трепетно хранящего огонь любви, его, пусть даже и угасающее со временем, тепло:

*голубое свечение сада
и замедленный танец осы.
Время позднему яблоку – падать,
хлопотливому времени – стыть.*

*Напоследок, губами сухими
дни считая один к десяти,
повторять зачарованно имя,
словно осени жертву нести.*

Жертвенность и нежность, способность ко всепрощению, желание во что бы то ни стало сохранить сад и «дом, подверженный любви» – таковы штрихи портрета лирической героини Софии Максимычевой. Любовь – её единственный бог, заменяющий все прочие ценности, поэтому так важно сохранить её во что бы то ни стало, даже «в трёхстах шагах от яростной зимы»:

*А если так – уверовать в закон,
незыблемую летопись и схему,
где голос расстояньем искажён,
ранжируя святых и одержимых?
Почувствуй, как дрожит озябший лист
от холода, возлюбленный мой пастырь!
Отверженное время одалиск
и птичья эмиграция горластых.
В трёхстах шагах от яростной зимы
иллюзия тепла одной ладони –
твои калифорнийские холмы
и глаз луны навывкате драконий.*